

Анатолий Аркадьевич
ТУРИЛОВ

МАТЕРИАЛЫ К БИОГРАФИИ САВВЫ, АРХИЕПИСКОПА СЕРБСКОГО (ОК. 1175–1235)¹

Аннотация:

В статье освещается биография Саввы Сербского, создателя сербской автокефальной церкви, духовного пастыря и просветителя своего народа. Отвергнув соблазны светской власти, которая должна была ему достаться по наследству от отца — правителя Сербии Стефана Немани, юноша тайно бежал на Афон, принял постриг и со временем стал одним из крупнейших религиозных деятелей на Балканах. Савва выступил как переводчик и писатель, создатель первого для сербов свода церковных и светских законов и дипломат, способный решать сложнейшие политические конфликты.

Ключевые слова:

Сербия, Афон, сербская церковь, агиография, гимнография, переводы с греческого.

Abstract: A.A. TURILOV “MATERIALS FOR THE BIOGRAPHY OF ST. SAVA, THE ARCHBISHOP OF SERBIA (1175?–1235)”.

The article covers the biography of St. Sava of Serbia, creator of the Serbian autocephalous church, spiritual shepherd and educator of his people. Having rejected the temptations of secular power that he should have been inherited from his father, the ruler of Serbia, Stefan Nemanja, the young man secretly fled to Athos, was tonsured and eventually became one of the greatest religious figures in the Balkans. Sava acted as an interpreter and writer, the creator of the first body of church and secular laws for the Serbs and a diplomat capable of solving the most complex political conflicts.

Keywords:

Serbia, Athos, Serbian church, hagiography, hymnography, translations from Greek.

Ранней осенью 1191 г. к стенам русского монастыря св. Пантелеймона на Афоне после многодневного изнурительного пути прискакал небольшой кавалерийский отряд. Монастырь в ту пору располагался не на берегу моря, как сейчас, а примерно в часе ходьбы от современной обители, на пологом склоне (там, где ныне скит Старый Русик, где мало что

¹ К сожалению, эта интересная статья не вошла в корпус статей, предназначенных для виртуального Музея Славянских Культур по нескольким причинам: а) превышение допустимого объема; б) чрезмерная подробность изложения биографии Саввы при одновременной скудности данных об оставленном им письменном наследии; в) полное отсутствие сведений о культе подвижника и распространенности его сочинений среди восточных славян; г) отсутствие списка литературы и перечня иллюстраций; д) многократное невыполнение автором своих обещаний о сроках предоставления своей статьи редколлегии. Статья написана при финансовой поддержке РФФИ (грант 18–512–76004).

сохранилось от древности). Приезжие воины спешили и прошли внутрь обители. Здесь они с явным облегчением увидели, что человек, из-за которого они буквально день и ночь гнали коней, пока еще облачен в богатую мирскую одежду. Это сильно упрощало задачу отряда. Хотя прибывшие были людьми решительными и для исполнения воли пославшего их государя готовы на крайние меры, однако насильственный увоз со Святой горы монаха, принявшего здесь постриг, едва ли встретил бы понимание не только на самом Афоне, но и у греческих властей в Салониках и Константинополе, оказывавших до сих пор всемерное содействие в розыске и задержании беглеца. Пока же сохранялся шанс уладить дело миром.

Виновником скандальной ситуации, приобретшей международный характер, был шестнадцатилетний третий сын верховного правителя (великого жупана) Сербии Растимир, которого по молодости лет все еще уменьшительно называли Растко. Незадолго до описываемых событий (погоня настигла его так скоро, что он еще не успел пройти искус послушничества) юный княжич под влиянием долгих бесед с афонскими монахами (один из которых был русским), пришедшими ко двору его отца Стефана Немани за милостыней, принял решение оставить мир и стать отшельником на Святой Горе. Отчетливо сознавая, что его искренний горячий порыв не встретит понимания родителей, Растко отпросился у отца на многодневную охоту в горные леса в компании сверстников, а сам отправился с монахами на Афон. Благочестивый обман вполне удался юноше, и он выиграл время — во всяком случае, погоня (в посылке которой он не сомневался) не настигла его в пути.

Обе стороны хотели бы уладить дело миром, но цели их были прямо противоположны. Растко хотел остаться и постричься, дружинники должны были во что бы то ни стало доставить блудного сына под отчий кров. Юноша, чье решение было твердым, вынужден был вновь прибегнуть к обману, на словах согласившись вернуться. В честь прибывших устроили пир, на котором гостям прислуживал сам княжич, а затем (день был субботний) началась воскресная всеобщая служба. Уставшие с дороги и расслабленные застольем воины не выдержали длительного богослужения и уснули прямо в храме, в пристенных креслах-стасидиях (на Балканах службу в церкви слушают стоя и сидя попеременно). Растко воспользовался этим и поднялся с игуменом в маленькую церковь на верху пирга (крепостная башня-донжон — непременный атрибут древних афонских монастырей), где и был совершен постриг. Когда на рассвете воины проснулись и бросились искать княжича по всей обители, раздавая по пути инокам тумаки и затрешины, перемежаемые угрозами, было уже поздно. Растко Неманича больше не существовало, вместо него появился монах Савва, принявший это имя в честь одного из родоначальников монашества в Палестине — Саввы Освященного (V–VI вв.). Новопостриженный инок сбросил воеводе с башни символический подарок родителям — свое мирское платье и срезанные пряди длинных волос. Эту поистине картинную сцену любили потом изо-

бражать иконописцы — как сербские, так и русские. В Старом (Нагорном) Руссике посетителю и сегодня покажут место, где все это происходило, правда, с существенной топографической погрешностью. Древнего пирга, стоявшего к востоку от собора, давно уже нет, его роль для доверчивых туристов и паломников исполняет уцелевшая юго-восточная башенка.

Посланцы, кляня свое невезение и бессердечие княжича, вернулись восвояси. По счастью, наказания они не понесли. Великий жупан смирился с самовольным поступком младшего сына, хотя он сильно менял планы Немани на будущее детей. Наибольшие последствия отъезд младшего брата имел для второго сына правителя — Стефана, которому отец прочил первоначально духовную карьеру. Его женили на византийской принцессе, племяннице императора, которая первоначально, возможно, предназначалась в жены именно Растко. В знак прощения Саввы в приютившую его обитель из Сербии были посланы богатые дары. Слава о нем сразу разнеслась по всему Афону и за его пределами — столь необычным был жизненный выбор юноши.

В русском монастыре Савва прожил около года. У него и в будущем сохранились добрые отношения с обителью, но он явно смотрел на свою жизнь там как на подготовительный этап к грядущим монашеским подвигам, место, где говорят на понятном языке и где в то же время можно изучить интернациональный язык Афона — греческий. По прошествии времени молодой инок переселился на северо-восточное побережье Святой Горы, в одну из древнейших и крупнейших обителей полуострова — греческий монастырь Ватопед. Живя здесь, он обошел весь Афон, посетил всех самых прославленных подвижников. Увидев воочию иноческие подвиги «земных ангелов», Савва со всей пылкостью молодости хотел последовать их примеру, но ему не позволил этого игумен. По его убеждению, молодой инок должен был прежде научиться послушанию и привыкнуть к жизни в монастырской общине с ее строгой иерархией и четким распределением обязанностей. И Савва стал учеником прославленного в Ватопеде старца Макария. Его послушание состояло в том, что он летом и зимой, в любую погоду разносил испеченный в монастыре хлеб всем отшельникам, жившим в пространных владениях обители. Эта работа требовала не только больших усилий (и в этом смысле была рассчитана именно на молодого человека), но и была откровенно небезопасна. Не из-за хищных зверей — волков на Афоне не было до 1960-х гг., а из-за разбойников, составлявших почти неотъемлемую часть святогорского пейзажа и на суше, и на море. От них нередко не спасали и монастырские стены. Савва был свидетелем того, как пираты захватили приморский монастырь Эсфигмен и продали его братию и ненужную им часть имущества другой обители — Великой Лавре. Так эсфигменцы избежали неволи, но покупатели, в возмещение затрат потребовали с них выкуп и претендовали на земельные владения. Неизвестно, чем закончилось бы дело, если бы Савва не заплатил лаврянам «долг» Эсфигмена из своих средств. Сам он дважды — на суше и на море —

попадал в руки разбойников, но оба раза чудом спасся. Конечно, его жизни опасность не угрожала, но выкуп за него — узнай они, кто он — несомненно, потребовали бы царский.

За повседневными заботами об отшельниках Савва не забывал и о другом. Он в совершенстве овладел греческим языком (и разговорным и литературным), и это вскоре помогло ему в занятиях переводами. Отец продолжал присылать ему большие средства, и он тратил их на милостыню нищим и на благоустройство Ватопеда — построил три храма и высокие («двоокровные и троекровные») жилые корпуса для братии и паломников. Эти благодеяния (вместе с памятным всем выкупом эсфигменцев) еще больше способствовали популярности молодого инока на Афоне, где он воспринимался не только как ватопедский монах, но и как вполне самостоятельный бескорыстный попечитель.

Такая относительно беззаботная жизнь рядового (в правовом, а не в имущественном смысле) инока длилась для Саввы сравнительно недолго. В 1196 г. его отец, великий жупан Стефан Неманя, отрекся от престола в пользу второго сына Стефана и принял постриг под именем Симеона в основанном им монастыре-«задужбине» (т.е. построенном «по душе») Студеница. Узнав об этом, младший сын пригласил отца-инока присоединиться к нему на Афоне. Тот, поразмыслив, согласился и в 1197 г. прибыл в Ватопед с многочисленной свитой вельмож, желавших проводить своего вчерашнего владыку. Он был сердечно встречен Саввой и предельно торжественно монастырскими властями. Здесь он произвел богатые вклады и был принят в число братии.

Обосновавшись на новом месте, Симеон отправился в странствие по святым местам Афона, а Савва сопровождал его в качестве своеобразного гида и (как, несмотря на молодость, человек более опытный) наставника в монашеской жизни. На Святую гору буквально пролился дождь жертвований, соизмеримых с царскими: отец и сын были внесены в помянники всех монастырей и крупных скитов. Больше всего пришлось, разумеется, на долю Ватопеда, где Савва удостоился почетного звания «второго ктитора» (первым был византийский император). Но игумен и братия, не довольствуясь этим, направили Савву в Константинополь с прошением к императору Алексию III Ангелу (тестю его брата Стефана) даровать обители запустевший от пиратских набегов соседний монастырь Хиландарь, ктитором которого также был византийский василевс. Посольство имело успех, император выдал Ватопеду грамоту на право такого владения. При возвращении Савва был встречен как триумфатор.

И здесь отец поделился с сыном давней заботой. Он положил жизнь на создание сербской державы, превратив разрозненные княжества, зависимые от Византии, в единое сильное государство. Для полного успеха нужна была самостоятельная сербская церковь, но добиться согласия императора и патриарха на ее создание Немане не удалось. Афон давал шанс нескорого, но реального движения к намеченной цели. Создание

здесь сербского монастыря — наряду с существовавшими греческими, грузинским Ивером, латинским Амальфинским, русским Пантелеймоновым и болгарским Зографом — ставило Сербию в один ряд со странами, имевшими национальные церкви.

Желание Симеона и Саввы основать сербский монастырь нашло понимание у церковных властей Афона, включая прота — своеобразного президента этой средневековой «монашеской республики». В какой-то мере эта поддержка была вызвана желанием других обитателей ограничить непомерно усилившееся влияние и рост владений Ватопеда. Император откликнулся на просьбу святогорцев в июне 1198 г. новой грамотой, которой он передал Хиландарь вместе с соседней заброшенной обителью Милея под опеку своих сербских свойственников. В том же году возникло малое братство новой обители. Во главе ее Симеон и Савва по праву ктиторов поставили игумена Митрофана. Симеон при поддержке сына Стефана даровал монастырю владения в Сербии. Савва дал ему устав, переведя с греческого и частично переработав типик константинопольского монастыря Богородицы Евергетиссы, в котором он жил при посещении столицы Византии. От брата из Сербии поступили денежные средства, и в обители закипело строительство. Так начался сербский период в истории Хиландаря, быстро ставшего духовным и культурным сердцем Сербии, несмотря на удаленность от ее границ.

13 февраля 1199 г. умер старец Симеон. С его кончиной страна обрела первого национального святого, а заботы о монастыре и будущем сербской церкви легли на плечи Саввы. Сын написал первое житие отца, осветив в нем в основном монашеский период жизни родителя, и службу ему, изначальный текст которой до нас, возможно, не дошел. Так были заложены основы средневековой сербской литературы, в которой и позднее жития и службы занимали главное место.

В 1204 г. Савву рукоположили в архимандриты (священником он стал еще ранее). А примерно три года спустя он надолго покинул Святую Гору, забрав с собой в Сербию мироточивые мощи отца. Причин для отъезда было несколько. Весной 1204 г. крестоносцы захватили Константинополь, образовалась Латинская империя, будущее афонских монастырей, отошедших к Фессалоникийскому королевству, было неясным и тревожным. Но существовали и внутрисербские причины: в стране еще в 1202 г. вспыхнула династическая война. Старший сын Немани Вукан, в нарушение завещания отца отнял власть у Стефана, опираясь на венгерскую помощь, и стал великим жупаном. Только в конце 1204 или в начале 1205 г. Стефану удалось вернуть престол. Савва старался примирить братьев и в конечном итоге это ему удалось. В качестве залога мира и единения он привез в Сербию мощи отца и поместил их в «задужбине» Симеона, обители Студеница, и стал ее игуменом. Исподволь он продолжает подготовку к созданию независимой сербской церкви и занятия литературной деятельностью — пишет для Студеницы новый устав на основе хиландарского, куда включает отдельной

главой житие отца. Сан архимандрита вместе с поддержкой братьев позволяет ему занять главенствующее положение среди настоятелей сербских обителей. Отдельной сербской церкви еще нет, но все монастыри страны уже объединены под властью представителя правящей династии.

В Сербии Савва провел 10 лет. Его новый отъезд на Афон был вызван несогласием с церковной политикой брата. Великий жупан Стефан, стремясь достичь формального равноправия с соседним государями, обратился к папе Римскому с просьбой прислать ему королевскую корону, признавая себя взамен вассалом апостольского престола. Прибывший из Рима легат венчал Стефана на королевство. Савва справедливо увидел в этом измену заветам отца и удалился в купленную еще раньше келью в столице Афона Карее (на Святой Горе это слово могло означать (как в данном случае) не только комнату, но и маленький монастырек), поставив для Студеницы нового игумена.

Но разрыв между братьями был непродолжителен, вскоре их вновь объединили государственные интересы Сербии. В 1219 г. Савва был поставлен в архиепископы автокефальной сербской церкви. Это произошло в малоазийской Никее — столице одного из трех православных государств, претендовавших на преемственность от Византии. На родину он вернулся в новом качестве, посетив по пути Афон и Салоники. Теперь церковно-политическая программа Стефана Немани усилиями его сыновей была полностью реализована. В знак примирения с братом Савва избрал для своей резиденции «задужбину» Стефана — монастырь Жича, где он и совершил повторную, православную коронацию правителя, вошедшего в историю с прозвищем Первовенчанный. В Сербии была организована сеть епископских кафедр, на которые глава церкви поставил своих учеников. Центрами епархий стали не города (которых в тогдашней Сербии было очень мало). В основу богослужебной практики сербской церкви был положен переведенный Саввой еще за 20 лет до этого Евергетидский устав. Чтобы подчеркнуть самостоятельность новой церкви, глава ее организовал перевод на славянский язык Номоканона — собрания правил, установленных апостолами, церковными соборами и отцами Церкви и снабженных толкованиями крупнейших византийских канонистов. К этой работе Савва, вероятно, привлек и знакомых ему по Афону русских монахов. Русь с XI по конец XII в. была единственной страной, где церковнославянский язык свободно функционировал и развивался, поэтому русский его вариант пользовался у южных славян авторитетом. Этот перевод Номоканона, известный под именем Святосавской Кормчей, уже в XIII в. получил известность у всех православных славян (а позднее и в румынских землях) и составил основу позднейших памятников русского церковного права.

В особенности возросло влияние Саввы после смерти брата-короля (1223), в правление его сыновей — Радослава и Владислава, для которых дядя служил двойным авторитетом: как старший в роду и глава церкви. Житийная легенда гласит, что при коронации Радослава архиепископ явил чудо, воскресив умершего брата, который собственноручно возложил

венец на голову сына-преемника. После воцарения племянника Савва отправился в давно желанное паломничество по святым местам Палестины, попутно налаживая международные связи новой автокефальной церкви.

В поколении внуков Стефана Немани, как и во время его сыновей, возникло соперничество между братьями. Второй из братьев, Владислав, опираясь на поддержку тестя, болгарского царя Иоанна Асена II, который после победы над греческим правителем Эпира в 1230 г. стал сильнейшим государем на Балканах, сверг Радослава (женатого на эпирской принцессе) и занял королевский престол (ок. 1233–1234). Савва не мог одобрять подобных действий, но еще больше он не желал новой междоусобицы в Сербии и иностранного вторжения. Поэтому он уговорил Радослава признать сложившийся порядок вещей и короновал Владислава. Ближайшее будущее показало государственную мудрость этого поступка архиепископа. Вскоре после его смерти на Европу обрушилось татарское нашествие (1241). Кочевники, осевшие затем на нижнем Дунае, на десятилетия стали реальной угрозой для Балкан, однако Сербия, почти 40 лет не ведшая крупных войн, обладала достаточными силами для отражения набегов.

После коронации Владислава Савва принимает решение сложить с себя архиепископский сан и вернуться на Афон. Он еще не стар (хотя по средневековым меркам и не молод), но считает свою церковную миссию исполненной. Своим преемником на кафедре он оставляет любимого ученика Арсения. От этого времени сохранились его прижизненные портреты на фресках монастырей Милешево и Жича. С них глядит умное волевое лицо, которое — если отвлечься от облачения и гуменца на макушке — равно может принадлежать и правителю, и аскету-отшельнику. Перед тем как окончательно уединиться на Афоне, Савва отбыл во второе паломничество по святым местам Ближнего Востока. На сей раз он посетил не только Палестину, но и Египет с Синаем.

На родину из этого путешествия Савва не вернулся. Его обратный путь лежал через Болгарию, где он с большим почетом был встречен в Тырнове тестем своего племянника, царем Иоанном Асеном II и патриархом Иоакимом, который, как и Савва, долгое время был монахом на Афоне. В столице Болгарии архиепископ разболелся и умер 12 января 1235 г. Его торжественно погребли в царском монастыре Свв. 40 мучеников. Царь увидел в этой кончине знамение свыше. О Савве еще при жизни ходили легенды как о чудотворце, и не было сомнений в его канонизации после кончины. Цари из династии Асенов привозили в свою столицу мощи святых из всех удачных военных походов, а здесь (о чудо!) святой сам пришел в Тырново и упокоился в нем.

Царь и патриарх не хотели расставаться с новообретенной реликвией. Лишь через год король Владислав упросил тестя «отпустить» останки дяди на родину. Король сам участвовал вместе с епископами в этом перенесении, сопровождая гробницу Саввы от стен Тырнова до монастыря Милешево, где архиепископ обрел последнее пристанище.